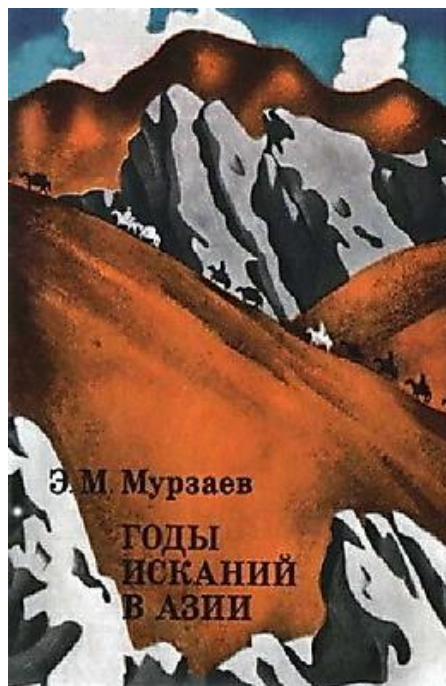

Эдуард Макарович Мурзаев

Годы исканий в Азии

SpellCheck — AleksSn777@mail.ru <http://lib.aldebaran.ru>
«Годы исканий в Азии»: Мысль; Москва; 1973

В горах у Иссык-Куля

1950

Синее небо, синий же Иссык-Куль, между ними белая зубчатая стена, на первом плане голый, красно-жёлтый глинистый берег — вот и весь вид, весьма несложный, но от которого глаз с трудом отрывается: так великолепен колорит, так изящны и легки очертания снегового хребта, за которым ещё ясно видны высочайшие вершины и северного хребта, трёхглавый Талгар и остроконечный Алмаатинский пик.

Н. А. Северцов

Кто побывал в далёких горах Тянь-Шаня и видел беспредельную гладь озера Иссык-Куль, тот надолго сохранит в памяти снеговые хребты Кунгея и Терскея, крутой стеной спускающиеся к берегам лазоревого озера.

К Иссык-Кулю обычно попадают через узкое и дикое Боамское ущелье, прорезающее

линию хребтов Кунгей — Киргизский Алатау. Машина мчится у самого берега быстрой и грохочущей реки Чу. Дорога делает крутые повороты, следуя извилинам реки, и неумолчный шум стоит в ушах путника. Исчезает широкая и цветущая Чуйская долина. Тёмные, мрачные скалы да громадные каменные осыпи — курумы выделяются длинными пятнами на склонах. Но вот мрачное и угрюмое ущелье расступилось, куда-то в сторону отошла река. Видны красные песчаники и глины — третичные отложения, весьма характерные для Центральной Азии. Дорога идёт по пустынной галечниковой равнине, в стороне заметны бело-жёлтые и зеленоватые породы. Озеро где-то близко, и действительно перед нашими глазами внезапно возникает спокойная, тихая гладь Иссык-Куля. Плещутся волны, выбрасывая белоснежную пену на галечный берег.

Известный русский географ, первый исследователь Тянь-Шаня, Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский в 1856 году, пробравшись к Иссык-Кулю, писал: «Трудно себе вообразить что-нибудь грандиознее ландшафта, представляющегося путешественнику с Кунгея через озеро на Небесный хребет. Темносиняя поверхность Иссык-Куля своим сапфировым цветом может смело соперничать со столь же синей поверхностью Женевского озера, но обширность водоёма, который занимает поверхность, в пять раз превосходящую площадь Женевского озера, казалась мне с западной части Кунгея почти беспредельной на востоке, и ни с чем не сравнимое величие последнего плана ландшафта придаёт ему такую грандиозность, которой Женевское озеро не имеет. Вместо непосредственно поднимающихся за вдвое менее широким Женевским озером предгорий Савойских Альп, совершенно закрывающих величественную группу Монблана, за широким Иссык-Кулём простирается обозримая, по крайней мере на 300 вёрст своей длины, непрерывная снеговая цепь Небесного хребта. Резкие очертания предгорий, тёмные расселины пересекающих передовую цепь поперечных долин — все это смягчается лёгкой и прозрачной дымкой носящегося над озером тумана, но тем яснее, тем определительнее, во всех мельчайших подробностях своих очертаний, тем блестящее представляются на темноглубом фоне цветистого безоблачного среднеазиатского континентального неба облитые солнечным светом седые головы тяньпанских исполинов»¹.

Приближаясь к озеру со стороны Боамского ущелья, мы вспомнили слова П. П. Семёнова. Снежные цепи, окаймляющие озеро с севера и с юга, поражали своей грандиозностью.

Несколько десятков лет назад мало кто знал далёкое озеро в центре Тянь-Шаня. Сообщение с ближайшей железнодорожной станцией Пишпек (ныне город Фрунзе) поддерживалось только подводами, запряжёнными лошадьми. Расстояние в 180 километров до посёлка Рыбачьего, в западном углу озера, покрывалось за три — шесть дней, в зависимости от груза. Позже пишпекские горожане поняли прелести Иссык-Куля, особенно его восточного побережья. От духоты и жары Чуйской долины они устремлялись на лето в высоко лежащую Иссыккульскую котловину, в город Пржевальск. Тогда телеги по так называемому большому тракту шли часто, перевоза больных и отдыхающих.

Только в советские годы автомобиль пришёл на смену телегам. Машины мчались по тракту, в один день покрывая расстояние от Фрунзе до Рыбачьего. Но и железная дорога упорно продвигалась в глубь Чуйской долины. Уже в 1932 году было открыто регулярное

---

¹ П. П. Семёнов. Поездка из укрепления Верного, через горный перевал у Суок-Тюбе и ущелье Вуам, к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г. Отрывок из путевых записок. — «Записки Русского Географического Общества по общей географии», т. I. СПб., 1867.

пассажирское движение по железной дороге до станции Кант, находящейся в 20 километрах от Фрунзе. Труднейший участок этой железнодорожной стройки — Боамское ущелье. Здесь часты землетрясения, гигантские осыпи. Река Чу, углубившись в отвесном каньоне, быстро катит свои воды, подмывая берега.

В годы Великой Отечественной войны началось строительство железной дороги от станции Кант. Оно завершено в 1948 году. Стальной путь, прорвав каменное кольцо Тянь-Шаня, связал Иссык-Куль со столицей Киргизии — Фрунзе. Железная дорога вышла к берегам Иссык-Куля, и гудки паровозов стали перекликаться с сиренами иссык-кульских теплоходов.

Иссык-Куль в переводе значит «горячее озеро». Почему же народ назвал его горячим? В Иссык-Куль впадает около 80 небольших горных речек, все они берут начало в горах Тянь-Шаня. Но ни одна река не вытекает из озера, оно бессточное, и вся вода расходуется на испарение, а испаряется немало — ежегодно до 3,5 кубических километра воды. Поэтому вода в Иссык-Куле солоноватая, негодная для питья.

Известно, что солоноватая вода медленнее замерзает, чем пресная. Большая глубина Иссык-Куля также препятствует промерзанию озера. Частые и сильные ветры, гуляющие по водной глади, не дают возможности озеру даже с поверхности покрыться тонким льдом. Иссык-Куль никогда не замерзает, несмотря на суровую зиму и большую высоту местности (уровень воды на 1609 метров выше уровня океана). Только мелкие заливчики иногда покрываются ледяной корочкой. Поэтому-то его и называли тёплым озером.

Западная часть иссык-кульского побережья суха, камениста. Выросший за последние десятилетия рабочий посёлок Рыбачье является оазисом среди пустынных мест. Здесь скрещивается несколько автомобильных трактов, и здесь же большая пристань и конечная станция железной дороги. Отсюда открывается прекрасный вид на озеро, на окружающие горы. На юге высится Терской-Алатау, напротив него — брат его Кунгей. Всюду горы, горы и горы. Лишь на востоке необозримая синяя гладь озера. Восточное побережье благодаря частым дождям обладает богатой растительностью.

Со времени путешествия П. П. Семёнова-Тян-Шанского считается, что в недавнем геологическом прошлом размеры Иссык-Куля были иными. Озеро было ещё больше, чем теперь, а уровень его лежал на десятки метров выше современного. Река Чу, которая раньше служила стоком озера, прорыла себе глубокое Боамское ущелье и частично спустила воды Иссык-Куля, понизив его уровень. Ныне Чу не уносит воды озера, она стала самостоятельной рекой. Русло её лежит в трёх-четырёх километрах от западного побережья Иссык-Куля, но связано с ним лишь небольшим протоком, в котором вода бывает только во время особо высоких паводков.

Какие же факты говорят о том, что Иссык-Куль в недавнем геологическом прошлом имел гораздо большую площадь, чем теперь?

На южном берегу Иссык-Куля бросаются в глаза глинистые пестроокрашенные отложения: кремновые, серые, зеленоватые, малиновые. Они попадают сразу же после выезда из Боамского ущелья. Вид пестроцветов унылый, пустынный, на них почти нет растительности. Реки легко размывают эти непрочные, рыхлые горные породы, поэтому текут в глубоких долинах, врезавшись на десятки метров. Вот эти осадки и есть древние озёрные отложения Иссык-Куля.

На северном берегу пестроцветных отложений почти нет. В одних местах приозёрная равнина, вдаётся далеко в озеро, образуя плоские, слабо наклонённые полуострова. В других, наоборот, возникают широкие заливы, и приозёрная равнина сужается,

окаймлённая берегом озера и близкими горами. Равнина сложена выносами с гор — речными осадками и отложениями временных потоков. Если внимательно приглядеться к особенностям её рельефа, то можно заметить следующую закономерность: против выходов речных долин с гор равнина расширяется и далеко врезается в озеро. Особенно хорошо это видно в районе больших сел — Григорьевки и Семеновки, где мощные выносы двух одноимённых рек Аксу создали целый полуостров.

Восточная оконечность Иссык-Куля отличается от западной. На востоке озеро образует много узких, длинных и извилистых заливов. Пржевальский и Тюпский заливы особенно длинны и извилисты, поэтому здесь возник ряд бухт. Хорошо заметно, что эти заливы продолжают устья рек, впадающих в озеро. Я посетил некоторые из этих заливов: Курментынский, Тюпский, Пржевальского, Покровский, Тамгинский — и всюду видел одну и ту же картину. Иссык-кульские воды здесь наступают на сушу, они заливают низовья речных долин, образуя заливы — эстуарии.

Есть ещё одна существенная причина, которая способствует образованию эстуариев. Восточная оконечность Иссык-Куля подвержена сильнейшим землетрясениям. Только за последнее столетие описаны разрушительные землетрясения

1887, 1889, 1911 годов. Это говорит о том, что район Иссык-Куля отличается большой геологической подвижностью. Наш выдающийся геолог И. В. Мушкетов, посетивший Иссык-Куль после землетрясения 1889 года, писал: «Берега как залива, так и реки Караколки частью сползли к воде, осевши уступами, частью же совсем погрузились в воду»².

Таким образом, восточные берега Иссык-Куля опускаются в результате продолжающихся на наших глазах горообразовательных движений. Вот почему речные долины на востоке затоплены водой, а на западе выносы рек возвышаются на берегах и далеко вдаются в озеро в виде мысов и полуостровов. Вот почему на востоке озера обнаружены затопленные дома и посёлки, катки для молотбы хлеба, каменные памятники, а в штиль, когда поверхность Иссык-Куля спокойна и вода прозрачна, с лодки близ берегов можно увидеть контуры затопленных городищ.

При сравнении климатических условий Иссык-Кульской котловины северное побережье выгодно отличается от южного. Северное прикрито мощным горным хребтом Кунгей. Он является как бы заслоном, предохраняющим от пагубного влияния холодных ветров. К тому же это побережье и Кунгей открыты на юг и хорошо прогреваются солнцем. Недаром Кунгей по-киргизски значит «обращённый к солнцу», «солнечный».

Южное побережье находится в менее благоприятных условиях. Оно открыто к северу, с юга его окаймляют снежные горы Терскей,греваются они меньше, чем Кунгей, природа здесь более суровая. Терскей по-киргизски значит «противоположный», в данном случае — «противоположный солнцу», «теневой», «обращённый на север».

Эти особенности природы двух побережий Иссык-Куля сказываются на их сельском хозяйстве. На северном побережье лучше развиваются садоводство, овощеводство, здесь созревают даже арбузы и местами виноград. В середине сентября обычно проходит массовая уборка зерновых. На южном побережье фрукты и овощи опаздывают, арбузы мало где успевают созреть, зерновые убираются в конце сентября — начале октября.

---

² «Материалы для изучения землетрясений в России». СПб., 1891, стр. 17. Сильное землетрясение на востоке Иссык-Куля произошло и 5 июня 1970 г., когда было разрушено несколько селений. Оно известно под названием Тюпского.

В селении Покровка на южном берегу Иссык-Куля помидоры появляются только в сентябре, только в конце августа созревают такие ранние фрукты, как абрикосы и слива. Виноград и хлопчатник здесь не разводят: им не хватает тепла. Все это результат того, что Иссык-Кульская котловина лежит высоко над уровнем моря. Сказывается также положение Покровки и южного побережья озера, открытого на север.

Не всегда спокойна и тиха поверхность Иссык-Куля. Рыбаки рассказывают, что коварна и капризна бывает заманчивая даль озера. Бризы — обычные ветры на Иссык-Куле. Днём они дуют с озера на берег, а ночью — в обратном направлении — с суши на озеро. На местном наречии дневной ветер называется морским, ночной — горняком.

Преобладающие ветры на Иссык-Куле — западные, дующие параллельно длинной оси озера. Они-то и приносят влагу на восточное побережье, где дождей выпадает гораздо больше, чем на сухом западе.

Спокойная гладь Иссык-Куля за пять — десять минут меняется под влиянием подувшего резкого вечернего бриза, волны перекатываются, как на море в непогоду, и рыбацью лодку неудержимо несёт на середину озера. Весла тогда бесполезны. Лодку будет бросать, кидать до утра, и если она уцелеет, то обессилевший рыбак доберётся до берега. За своеобразие, за бури, за частые штормы местные старожилы величают Иссык-Куль киргизским морем.

Ветры здесь — обычное явление. Рыбаки их называют по географическим названиям мест, откуда дует ветер. Внезапно наскაკивающий сильный ветер с запада — это улан, а дующий с востока — сантас, по имени перевала в горах на восток от озера. Боамское ущелье, откуда дует улан, местные жители называют Уланским.

В 1927 году действие сильного улана испытал теплоход «Прогресс Киргизстана». Зимним вечером на озере был сильный шторм. Теплоход целые сутки боролся с бурей, наконец спрятался в одной из бухт и благоразумно выждал конца непогоды. В том же году во время бури волной был снесён рулевой теплохода.

Академик Л. С. Берг, в течение нескольких лет изучавший озеро, указывает на возникновение во время иссык-кульских бурь такого редкого явления, как водяной смерч.

Первые теплоходы «Пионер» и «Прогресс Киргизстана» были построены в Пржевальском затоне из древесины тянь-шаньской ели и спущены на воду в 1926 году. Регулярные рейсы от Рыбачьего на Пржевальск связывают самые отдалённые районы северной Киргизии с железной дорогой.

Н. В. Алексеев, работавший в 1921 году на берегах этого озера, поделился со мной воспоминаниями о рождении иссык-кульского флота. Тогда там плавали старый трёхмачтовый парусник, приспособленный для перевозки леса, парусно-моторный баркас «Красный Восток» и изящное парусное судно «Коммунар». Это судно было построено в коммуне аральских рыбаков, переехавших на постоянную работу на Иссык-Куль. Среди рыбаков оказались способные судостроители, которые и построили быстрый «Коммунар» для транспортных целей, тогда на этих небольших баркасах перевозили хлеб в Рыбачье.

Иссык-Кульское государственное пароходство было создано в 1925 году. Центр этого пароходства — Пржевальск. Здесь, на берегу озера, вырос большой посёлок рабочих судоремонтных мастерских. «... Четверть века отделяет меня от того дня, — вспоминает мастер К. Ф. Калашников, — когда я, будучи мотористом, впервые прибыл на небольшом моторно-парусном судне „Красный Восток“ на берега Каракольского залива.

Это было 2 августа 1925 года. Дикие и безлюдны были тогда эти места. Заросли кустарников покрывали берега бухты, и среди них, затерявшись, стояли лишь четыре

одиноких домика, принадлежащих некогда каракольским купцам. Домики были заброшены и наполовину разрушены.

В августе 1925 года приступили к постройке первых теплоходов: «Прогресс Киргизстана» и «Пионер». Строительство их велось в Джергалчаке приезжими мастерами с Волги: своих кадров не было...

С течением времени возросший коллектив пароходства, преодолевая трудности, строил, преобразовывал этот пустынный уголок. Особенно бурный рост посёлка начался с 1929 года. Здесь создавались новые предприятия»³.

За четверть века число судов, курсирующих по озеру, увеличилось в девять раз, их тоннаж — в 70 раз, а количество грузов (несмотря на постройку шоссейного кольца вокруг Иссык-Куля, по которому перевозятся различные товары) — в 43 раза. Горные долины богаты хлебом, скотом, углём, лесом. Эти грузы перебрасываются на пристань Рыбачье, а отсюда отправляются в город Фрунзе.

Иссык-Куль — рыбное озеро. Рыбаки вылавливают сазана — эту обычную рыбу в водоёмах Средней Азии, османа, чебака, маринку. Интересно, что осман и маринка имеют ядовитую икру, поэтому при ловле маринки и османа рыбаки потрошат рыбу, выбрасывая внутренности; лишь после этого её употребляют в пищу.

«Икра крупнозернистая, красно-жёлтого цвета, — пишет В. Кушелевский, — похожа больше всего на щучью... обладает в высшей степени ядовитыми свойствами, что неоднократно было наблюдаемо мною как в Фергане, так и в Киргизской степи. При ловле икра и внутренности обыкновенно выбрасываются тут же на берег, но их не трогают даже вороны, хотя известно, насколько эта птица прожорлива и неприхотлива в выборе пищи; если же какая-нибудь, по неопытности, полакомится этой икрой, то скоро околеет, чему я был свидетелем ещё в Киргизской степи. Икра не теряет ядовитых свойств от соления и варения; точно так же сохраняет эти свойства и в крепком спирту. Вскоре после употребления икры маринки в умеренном количестве появляется боль в животе, рвота и понос, которые вскоре прекращаются от обыкновенных медицинских средств; при неумеренном употреблении икры сначала появляется сильная и продолжительная рвота, потом понос, сильно истощающие больного, причём он не в состоянии держаться на ногах»⁴.

Маринка и осман — представители рыбного мира Центральной Азии, а два вида чебаков эндемичны на Иссык-Куле, они водятся только в этом горном озере.

Оба чебака относятся к семейству карповых рыб. Один вид чебака похож на сибирского ельца, размер его в среднем 30 сантиметров, а вес 200—300 граммов, но встречаются экземпляры до 600 граммов. Чебак — озёрная рыба, она живёт и размножается в озере и не идёт для икрометания в реки, впадающие в Иссык-Куль. Мечет икру чебак на галечных прибрежных местах. Другая форма чебака отличается своими малыми размерами, почему местные жители неправильно называют её селёдочкой, а в литературе она известна как чебачок. Эта рыба достигает в длину в среднем только 13 сантиметров. Икру чебачок мечет в затонах; в отличие от чебака селёдочка входит в реки и поднимается по ним вверх.

Когда прекратилась связь Иссык-Куля с рекой Чу, а через последнюю с бассейном

---

³ «Иссык-Кульская правда», 10 сентября 1950 г.

⁴ «Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области». Маргелан, 1890.

Аральского моря, озеро обособилось, вода в нём постепенно стала засолоняться; как неорганическая, так и органическая среда в Иссык-Куле в конце концов существенно изменились. Географическая изоляция озера привела к изменению у его обитателей ряда признаков, фауна Иссык-Куля стала развиваться самостоятельно. Это способствовало обособлению и иссык-кульского чебака, две формы которого свойственны только этому замкнутому озеру.

В 1930 году в Иссык-Куль были спущены 750 тысяч икринок форели гегаркуни, привезённых на самолёте из озера Севан в Армении. Многие годы форель никак не проявляла себя в новом местообитании. Можно было подумать, что опыт акклиматизации этой ценной рыбы не удался. Но в начале 40-х годов рыбаки стали вылавливать каких-то очень больших, дотоле неведомых рыб. В них трудно было узнать форель. Вес отдельных особей доходил до 10—15 килограммов, тогда как у себя на родине, в Армении, форель весит 1—2 килограмма и только как исключение 3—4 килограмма. Оказалось, что жительница горных пресных вод Кавказа — севанская форель — смогла приспособиться к солоноватым водам Иссык-Куля. Здесь создана биологическая станция, которая следит за рыбным населением озера, разрабатывает вопросы рационального рыбоводства. В её распоряжении есть судно «Академик Л. С. Берг», названное так в честь нашего замечательного учёного — географа и ихтиолога, положившего начало научному изучению озера.

Иссык-Куль и прилегающие к нему живописные районы Тянь-Шаня привлекают ежегодно много туристов, отдыхающих и больных. Высокие снежные пики мощных хребтов Алатау охотно посещаются альпинистами. Восточная часть Иссык-Куля и зелёный Пржевальск — любимые места отдыха трудящихся северной Киргизии. В Пржевальске, городе, высоко расположенном над уровнем моря, вблизи от большого озера и снежных гор, прохладно; здесь легко переносится среднеазиатское лето.

В окрестностях Иссык-Куля находятся курорты, минеральные воды которых известны далеко за пределами Средней Азии. Курорт Джеты-Огуз спрятался в ущелье на северном склоне Терскея, всего в двадцати восьми километрах от берега Иссык-Куля, на уровне 2200 метров. Горячие источники Джеты-Огуза дают воду, имеющую температуру 41— 43 градуса.

Другой курорт, Аксу, также пользуется большой популярностью благодаря своим слабоминерализованным водам. Совсем на берегу Иссык-Куля лежит курортный посёлок Койсара — одно из любимых дачных мест жителей Иссык-Кульской котловины. Койсара — горно-морской климатологический курорт.

Легко представить будущее Иссык-Куля как важнейшего курортного района Киргизии и всей Средней Азии. В самом деле, для этого есть все условия: нежаркий сухой климат, пляжи, минеральные источники, морское купание, горы, леса. Тут есть где развернуться и яхтсменам, и горнолыжникам, и альпинистам. Недалёк тот день, когда электрички повезут из знойного Фрунзе к живительным берегам Иссык-Куля тысячи желающих хотя бы на день-два окунуться в этот чудесный мир солнца, гор, моря, где человек всегда чувствует остро все прекрасное, чем богата наша земля.

Иссык-Куль издавна известен народам Востока. Китайцы знали его под названием Жехай, что в переводе значит «тёплое море»; монголы именуют его Тумурту-Нур, то есть «железное озеро». В русских источниках Иссык-Куль упоминается уже в 1724 году, когда царь Пётр направил посла капитана Унковского к калмыцкому хану. Капитан Унковский написал отчёт о путешествии, где он даёт подробное описание своего маршрута, а также

приводит чертёж всех гор, рек и озёр, встреченных на его большом пути. Осталось неясным, побывал ли Унковский на восточном берегу озера, у устьев рек Тюп и Джаргалант, в местах, где ныне стоит город Пржевальск; во всяком случае на оставленной им карте виден восточный залив озера и эти реки.

С Иссык-Кулём связаны легенды, предания и сказки. Иссык-Куль имеет своё «Сказание о невидимом граде Китеже». У южного берега озера, где в него впадает река Тон, можно наблюдать большие подводные развалины; в другом месте, у Койсары, во время шторма волны выкидывают черепки посуды, кости. На северном берегу, у станции Тур-Айгыр, в полукилометре от берега обнаружены под водой развалины построек. Предание говорит, что на северном побережье озера существовал богатый торговый город Сикуль. На южном берегу были города Яр, Тон, Барсхон.

Ещё в VII веке один из основных торговых путей из Европы в Китай проходил через Боамское ущелье, озеро Иссык-Куль и дальше в Кашгарию, откуда шла хорошо налаженная почтовая дорога в Пекин.

Богатую историю Иссык-Куля помогут узнать и изучить многочисленные памятники материальной культуры, встречающиеся на берегах озера.

На южном берегу озера широко раскинулось большое село Покровка. Селения здесь вообще многолюдные, просторные. И вот в этом селе находится база Тяньпанской физико-географической станции Академии наук. Из села Покровки до станции несколько часов верховой езды.

Лесистое горное ущелье реки Чон-Кызылсу (Большой Красной реки) очень живописно, и даже в самый жаркий день здесь веет прохладой от лесной тени и холодной быстро текущей реки. Крутые и высокие борта ущелья и его узкое дно говорят о гигантской работе воды, сумевшей «пропилить» массивные горы. Левый склон ущелья, ориентированный на северо-восток, с высоты 2100 метров покрыт еловыми лесами. Правый склон, более каменистый и сухой, имеет много выходов скал и осыпей. Чем выше в горы, тем чаще встречается ель. Станция расположена на левом берегу реки, на открытой поляне, окружённой лесом. На противоположном склоне протянулась огромная каменная осыпь — курум.

Рано утром река несёт голубоватую воду. Воды немного, скорость течения небольшая. В середине дня река вздувается, скорость увеличивается, вода несёт много ила, мутнеет.

Начальник станции Григорий Александрович Авсюк в течение многих лет изучал Тянь-Шань. Маршруты его путешествий густой сеткой покрыли северные цепи этой горной страны: Джунгарский хребет, Заилийский, Кунгей, Терскей, сырты центральной части Тянь-Шаня. На станции живёт и трудится дружный коллектив научных работников.

В конце 1950 года, когда я приехал на станцию, шли дожди, коротко гремел гром, в горах заснежило, похолодало. Первого сентября ударил мороз, и к утру вся поляна покрылась ледяной корочкой. Но вскоре выглянуло солнце, и его все ещё горячие лучи быстро обнажили землю. Воспользовавшись хорошим днём, гляциологи собрались на ближайший ледник Карабаткак. Оседлав известную своей резвостью и неумолимостью лошадку Венеру, поехал и я.

До ледника было недалеко — всего километров восемь. Еле заметная тропа становилась всё более крутой и каменистой. Кони, не раз ходившие по леднику, шли уверенно и, по-видимому, не уставали от подъёма, хотя высота была немалой — около 3000 метров над уровнем моря. Мы поднимались по троговой долине, поперёк которой лежали ригели — скалистые пороги, обработанные отступавшим древним ледником. С порогов

водопадами и каскадами низвергалась река. Многие боковые притоки отвесно падали к основной долине Чон-Кызылсу и Карабаткака и образовывали живописные водопады в десятки метров высотой.

По мере подъёма в горы среди елей все ещё показывался можжевельник, но одиночные ели встречались и на высоте 3000 метров. Выше были видны кустарники караганы, которые поднимались до свежих морен ледника.

За нами увязался Текечи — весёлый и приветливый охотничий пёс, чёрный с жёлтыми подпалинами и двумя такими же пятнами над глазами. Он не любил развязных шуток, ворчал, когда его дразнили, и улыбался, оскалив зубы, когда с ним ласково разговаривали. Его специальностью было выслеживать диких козлов, почему ему и дали имя Текечи⁵. Завидя их издали на скалах, он замирал на месте и, не спуская насторожённого взгляда, молчаливо указывал на них хозяину. Не отставая от лошадей, Текечи на полном ходу брал крутые подъёмы, смело переплывал горные реки и, когда течение сносило его в сторону, быстро поворачивался параллельно потоку. Выбравшись на берег, пёс отряхивался от холодной воды и снова бодро обгонял лошадей.

Мощные свежие моренные скопления, которых мы достигли на уровне 3200 метров, указывали на близость ледника. И действительно, вскоре показался язык ледника, небольшое озерко, подпруженное морёной, и хижина наблюдателей, где жили молодые географы-гляциологи. Мы оставили лошадей и по ледопаду начали подниматься на ледник, у подножия которого высота оказалась 3650 метров. То ли от солнца, то ли от движения стало жарко, хотя в тени термометр показывал только плюс пять градусов.

Выпавший ночью снег десятисантиметровым слоем покрывал голубоватую, тусклую массу льда. Под снегом торчали камни; чем ниже к концу ледника, тем их было больше. По краям были видны крупнообломочные морены, за которыми высились отвесные скалы, сложенные гранитами и сланцами. Долина заканчивалась грандиозным цирком, тупиковым амфитеатром. Ослепительно блестели нетронутые вечные снега.

Ледник Карабаткак в течение семи лет изучался Институтом географии АН СССР⁶. Выяснялся его режим, движение, питание снежными массами, водность, стаивание с поверхности. И летом и зимой здесь велись регулярные наблюдения.

В последнее время режим ледников привлёк пристальное внимание географов и гидрологов. В Советском Союзе ледников очень много. Раньше считали, что в питании среднеазиатских рек ледники играют первую роль и дают наибольшее количество воды в знойные летние месяцы, когда в горах интенсивно тают снега и льды. Такая особенность режима южных горных рек с ледниково-снеговым питанием очень важна для сельского хозяйства подгорных равнин, где именно в жаркое время больше всего требуется воды для орошения.

На основании исследований последних лет некоторые советские учёные установили, что ледники играют малую роль в питании рек, верховья которых лежат в высокогорном поясе. Главный источник их питания — это запасы сезонных снегов, покрывающих большие площади гор. Помимо длительного изучения режима ледника Карабаткак исследованию подверглись и другие ледники Тянь-Шаня: соседние Ашутер, Котртер,

---

⁵ «Тёке» — по-киргизски козёл.

⁶ Ныне работы продолжаются Тяньшанской высокогорной станцией АН Киргизской ССР.

Саватер, ледники противоположного южного склона Терскея. Экспедиционным обследованием охвачены грандиозные ледники массива Хан-Тенгри, среди которых Южный Иныльчек имеет длину 61 километр и по величине является вторым в СССР⁷.

Карататтак сравнительно небольшой ледник, его длина всего четыре километра, мощность льда не превышает 150 метров, скорость движения ничтожная, в среднем всего 12 метров в год. Изучая режим ледников, Г. А. Авсюк и М. И. Иверонова считали необходимым их длительное стационарное обследование в течение нескольких лет, ибо только такое настойчивое изучение может дать количественные характеристики, которые совершенно необходимы для объективного суждения о режиме ледников. Ясно, что при маршрутном методе работы географы должны ограничиться только описательным материалом, дающим представление о ледниках, но не позволяющим судить о процессах, характерных для них.

Уже многие годы идёт работа по изучению ледников Тянь-Шаня. Близ их подножия сооружены высокогорные метеоплощадки и гидрологические створы. Запись показателей метеоприборов даёт ясное представление о погоде и стоке воды, что необходимо для суждения о влиянии метеорологических факторов на жизнь ледника, от которых в конечном счёте в значительной мере зависит его режим.

Для определения скоростей движения ледников применяются новейшие способы фототеодолитной съёмки. На теле ледника устанавливаются реперы, образующие продольные и поперечные створы. Из года в год повторяющаяся съёмка этих створов, сделанная с одних и тех же базисных точек на коренных берегах, даёт точное определение скорости и направления движения ледяной массы.

Скорость движения в центре и по окраинам ледника разная. Это хорошо видно по створам, в которых реперы первоначально были установлены строго прямолинейно. На следующий год линия реперов оказывается изломанной, кривой. В центре движение происходит с большей скоростью, чем на окраинах, где ледяная масса испытывает значительное трение о горные породы.

С поверхности ледника ежегодно стает слой льда. Для определения мощности этого слоя работники станции зимой делают шурфы глубиной в один, два, три и четыре метра. На дне шурфов укладывают небольшие дощечки с указанием глубины, а затем наглухо заваливают льдом в уровень с поверхностью ледника. В течение лета наблюдатели регистрируют даты появления дощечек с индексами. Таким образом, выясняется точный размер исчезнувшего слоя льда за отдельные месяцы и за сезон. К 1 сентября уже обнажились контрольные дощечки с цифрой «3».

В разных местах ледника установлены метеобудки с приборами, автоматически записывающими изменения температур и влажности воздуха непосредственно на теле ледника.

Электротермометры, заложенные в лёд на глубину 10 и 20 метров, показывают колебания температур глубинных слоёв льда. Температуры на глубинах очень мало отличаются, их разность ничтожна и в зависимости от глубины бывает равной минус 2, минус 4 градуса. При этом лёд становится несколько теплее уже в самых глубоких слоях, где сказывается влияние земли и трение льда о дно долины. Между тем некоторые зарубежные гляциологи считают, что температуры льда на большой глубине из-за

---

⁷ См. статьи Г. А. Авсюка: «Ледники плоских вершин» и «Ледники горного узла Хан-Тенгри — Иныльчек и Семёнова». — «Труды Института географии АН СССР», вып. 45. М.—Л., 1950.

громадного давления всей его толщи должны быть близкими к 0 градусов и температурных колебаний здесь якобы быть не может.

Ледник несёт много валунов, камней, крупных скальных обломков, которые он получает главным образом за счёт камнепадов с отвесных бортов долины. Наблюдения ведутся за движением и выпахивающей деятельностью ледника, в результате которой происходит разрушение его ложа. Ледник тащит к своему языку камни, песок, гравий, ил, на определённой высоте он кончается, и этот материал осыпается на поверхность земли, образуя скопления боковых, конечной и донной морен. И в отношении изучения этих процессов работникам станции удалось найти ряд новых методов, дающих не только качественную характеристику, но и количественную оценку явлений ледникового сноса и отложений.

На поверхности ледника в ясный солнечный день тепло и нестерпимо светло. Отражённые от снеговой поверхности солнечные лучи ослепляют глаза. Наблюдатели ходят к приборам в чёрных защитных очках.

День на леднике короткий. В горной долине солнце поздно выходит из-за скал и очень рано заходит за ближайшие пики отвесных бортов. В тени сразу делается холодно и сыро. В ненастную погоду низко ползут тучи. Они окружают горную хижину плотным туманом, покрывают ледник и спускаются ниже его, плотно закрывая горизонт. Идёт снег, и подходы к леднику затрудняются. Морена, покрытая снегом, — плохой путь. Скользко, спотыкнувшись о невидимые под снегом предательские камни, легко сломать ногу или больно ушибиться при падении. Но наблюдения продолжают без перерыва.

К вечеру мы возвратились с ледника в тёплую хижину. С языка Карабаткака открылась далёкая синева Иссык-Куля, бурые земли полуострова Карабулун и горы Кунгей, едва видимые в дымке высокого горизонта.

Вниз мы спускались быстро. Застоявшихся лошадей трудно было удержать. Моя лошадка по горной каменистой тропе неслась так стремительно, что порой мне казалось, что мы оба — Венера и я вот-вот закончим наш жизненный путь. Но Венера оказалась хорошей и крепкой лошадей: с ходу перебралась через реку, карьером пронеслась через полянку и стала у коновязи.

*Высокогорный нивальный пояс Северного Тянь-Шаня. Здесь царство льда и снега.
Хорошо видны ледники и морены*

Еловые леса одевают склоны Тянь-Шаня

Тяньшанская ель по форме напоминает кипарис

На следующий день в сопровождении молодого сотрудника станции Юрия Авсюка, проходившего здесь производственную практику, я поехал на другой ледник — Ашутер, в верховья реки Чон-Кызылсу. Подо мной была смиренная, но с норовом мулиха Машка. Мулы легко ходят под тяжёлым грузом по самым крутым и каменистым склонам, они неприхотливы в еде, однако отличаются упрямством. Машка была особенно крупной и сильной. Она дружелюбно относилась к сотрудникам станции, но у неё была своя особенность: она не хотела одна выходить в путь и охотно шла в паре с мулом Орликом или в компании других лошадей.

О капризах и своеволии Машки мой спутник рассказал забавную историю.

Однажды сотрудник Н. собрался в маршрут вниз по ущелью. Но он не предупредил об этом конюха накануне, а утром все лошади уже были разобраны работниками станции и оставалась свободной только мулиха Машка. Машку поймали, оседлали, и Н. уехал по маршруту.

Нужно было переправляться через реку. Машка дошла до середины реки и встала. Ни уговоры, ни ласка, ни терпеливое ожидание не помогли. Кругом пенился горный поток, обдавая брызгами седока. Стало холодно, как-то неуютно. Н. слез с седла и попытался за повод вытянуть Машку на берег, но мулиха, видимо, только этого и ждала. Она мотнула головой, вырвала повод из рук И. и поскакала на станцию. Через некоторое время появился и смущённый хозяин.

Н. вторично отправился в путь. Но и на этот раз повадки Машки остались прежними. Сначала она покорно шла, но, войдя в воду, опять встала. Учтя урок, Н. не сходил с седла, терпеливо ожидая, когда же Машка пойдёт дальше. Мулихе или прискучила вода, или ей стало холодно, она повернула обратно и пошла домой. Всадник употребил все усилия, чтобы заставить животное идти в нужном направлении, но всё было напрасно. Машка рассердилась, сбросила седока и без дороги, по лесной чаще, галопом помчалась домой. Седло, зацепившись за деревья, полетело на землю, подпруги оборвались.

Скоро обитатели станции увидели Машку у коновязи, но на этот раз без седла. Через час явился уставший Н. с седлом в руках. Но и Н. проявил упорство. В третий раз уехал он на той же Машке по той же дороге. Всадник не расставался с седлом. Он ни разу не сошёл с мулихи; как она ни пыталась, так и не смогла сбросить его с седла. Но всё же и на этот раз Машка не ушла далеко от станции. У реки она упрямо повернула назад и, закусив удила, помчалась обратно прямо через еловый лес. Седок низко пригнулся к шее мулихи, по его голове и плечам нещадно хлестали ветви, еловые иглы кололи руки. Уже под вечер влетели Машка и Н. на поляну станции, где у обычного своего места, у коновязи, мулиха остановилась, дружелюбно посматривая на людей и спокойно помахивая хвостом.

Измученный, но упорный всадник пошёл спать.

На следующий день Н. выехал на низкорослой киргизской лошадке, которая честно привезла своего седока к месту назначения.

На перевал Ашутер мы поднимались по хорошо выраженной ледниковой долине. Боковые притоки её висячие, из узких щелей падали живописные струи — водопады, их брызги играли в солнечных лучах. Резкий подъем привёл нас в сухую, каменистую и пологую долину Ашутера, где леса уже нет и только на склоне, обращённом на юг, видны кустарники карагана и можжевельника. Отсюда открываются высокие пики Терскея, поднимающиеся до высоты 4000; — 6000 метров, под которыми белеют ледники.

На бортах глубокой долины Чон-Кызылсу заметны отчётливые переломы. Выше их — сравнительно пологий рельеф, здесь нередко пасут летом скот, а ниже — отвесные скалистые склоны ущелья. Перед нами — остатки древней долины, дно которой в этих высоких местах некогда лежало на уровне 2900—3000 метров. Высокогорная долина заканчивается большим ледником. Через ледник — давно нехоженная дорога на сырты.

Сырты — это широкие пологие долины, окаймлённые горами, иногда крутосклонными. Они лежат на уровнях 3500—4000 метров.

На некоторых тюркских языках «сырт» значит «спина». Плоский возвышающийся сырт с резко обрывающимися краями действительно напоминает спину горного хребта. По киргизски это слово значит «внешний», «находящийся вне, в стороне».

Сырты — остаточная (реликтовая) форма, сохранившаяся от древней равнинной снивелированной страны, которая в третичный период подвергалась горообразовательным процессам, и отдельные массивы при этом были сильно подняты.

На сыртах всегда холодно, даже в короткое лето; зима длинная и суровая, ландшафт уныл, неприветлив, растительность большей частью низкорослая и жёсткая и только местами зелёная и густая. Скот пригоняют сюда, как правило, только летом, но нередко на южных склонах, в тех местах, где выпадает мало снега, практикуется и зимний выпас. Многочисленные ледниковые валуны и морены покрывают часть поверхности сыртов. Здесь много небольших блюдцеобразных озёр, обычны заболоченные территории — по-местному «сазы». Мёрзлые грунты не пропускают воду в нижележащие горизонты, поэтому вода, собираясь в пологих котловинах сырта, где испарение очень слабое, заболачивает поверхность.

Вот как описывает П. П. Семёнов-Тян-Шанский картину тянь-шаньских сыртов: «Перед путешественниками расстилалось обширное плоскогорье — сырт, по которому разбросаны были небольшие полузамёрзшие озера, расположенные между относительно уже невысокими горами, однако же покрытыми на вершинах вечным снегом, а на скатах роскошной зеленью альпийских лугов».

На сыртах снег в летнее время — явление нередкое. Иногда сильные снегопады и морозы поражают пастбища ещё в самом начале осени. Как-то в середине сентября в горах Центрального Тянь-Шаня заметно похолодало. На высокогорных пастбищах Терскея разыгрался свирепый снежный буран. В течение нескольких часов дул ураганной силы ветер, сухой снег валил сплошной завесой. Ударил мороз. На ближайшей метеорологической станции записали: «Температура упала до минус 38 градусов».

На высокогорных летних пастбищах — джайляу ещё паслись стада домашних животных, принадлежащие колхозам Иссык-Кульской области. Животные мёрзли, голодали. Пробрить толстый снежный покров не сумели даже лошади, которые обычно находят себе корм под снегом. Над колхозными стадами нависла страшная угроза. Пастухи решились на трудное дело. Бросив юрты и имущество, они погнали табуны скота в тёплые приозёрные равнины Иссык-Куля. Впереди шли косяки лошадей, они уминали снег, за ними — стада крупного рогатого скота, овцы и козы. Тропы и перевалы замело снегом. Голодные животные, увязая и спотыкаясь о незаметные под снегом камни, передвигались с трудом.

Переход через перевальный участок Терскея до пояса тяньшанской ели был самым трудным. В лесу стало теплее, а ниже леса снег лежал сравнительно тонким слоем. Колхозные стада были спасены.

Через перевал Ашутер перекинулся большой перемётный ледник, покрывающий оба склона хребта. Его длинная ветвь сползает на север от перевала, на юге ледник заканчивается коротким языком длиной 2—2,5 километра. Ниже ледниковый поток уносит илистую холодную воду в широкие долины высокогорных сыртов.

Ашутер лежит на высоте более 4000 метров, путь здесь проходит через вечные снега и ледники, изборозждённые глубокими и широкими трещинами. Хорошо если ледник не покрыт свежевывавшим снегом, тогда эти трещины видны и можно осторожно обойти их. Местные жители не любят этот перевал. Они предпочитают перегонять животных на летние пастбища по другим, более низким и удобным перевалам, каких в Терскее много.

С перевалом Ашутер связана одна поучительная история, о которой стоит кратко рассказать.

Поздней осенью, когда скотоводы уже угнали свои стада с альпийских пастбищ в тёплые низкие долины и граница горного снега сильно опустилась, на перевале Ашутер, покрытом снегом, показался небольшой караван. Он состоял из нескольких вьючных и верховых лошадей. Это было в те годы, когда в стране ещё только закончилась гражданская война.

Далёкий путь по горам Тянь-Шаня в морозную погоду изнурил лошадей. На подходе к перевалу околела вьючная лошадь, её груз переложили на верховую. Всадник спешил и, тяжело дыша, стал подниматься на хребет. Силы людей и лошадей истощались с каждым метром подъёма, и когда караван наконец оказался на перевале, выяснилось, что дальше пути нет. Северный склон хребта был одет толстым слоем снега, его намело в сугробы.

Изнурённые кони ложились на снег, увязая в холодной сыпучей толще. Животных поднимали криками и побоями, они с трудом становились на ноги и опять падали, проваливаясь в снег.

Прошло несколько лет. Скелеты лошадей и людей медленно сползли вниз вместе с массой ледника. Они оказались раскинутыми на большом поле льда. Скорость движения

Ашутера ничтожная, всего 20—40 сантиметров в сутки, редко больше, но за годы остатки каравана продвинулись на сотни метров.

Приходившие на летние пастбища киргизы находили на подступах к перевалу то деревянные седла, то бархатную шапку с остатками меха, то стремя, то рубаху, расползавшуюся на нитки, как только её брали в руки...

Не ограничиваясь изучением ледников и их режима, работники Тяньшанской физико-географической станции проводят почвенные, ботанические и зоологические исследования, а также наблюдения над размывающей деятельностью временных потоков — селей.

Моё внимание привлекли каменные осыпи — курумы. В горах Средней Азии нередки гигантские курумы, покрывающие отвесные склоны ущелий. В верхнем горизонте осыпь состоит из мелких и средних камней, ниже размеры их увеличиваются, и у дна ущелья уже громоздятся гранитные глыбы и скалы в несколько метров в диаметре. Они омываются рекой.

Недалеко от станции по правому склону долины видна такая осыпь. Вид у неё совершенно свежий, курум живёт, и кажется, что каждый день катятся вниз камни и вся масса сползает вниз.

Работники станции установили на куруме метеопост, укрепили вешки и привязали их к ориентирам на коренных породах, выступающих по окраинам осыпи. И вот в течение двух-трёх лет наблюдений деревянные вешки оставались нетронутыми, а курум безжизненным, мёртвым. Первое впечатление было обманчивым. Осыпь оказалась крепкой и устойчивой, несмотря на очень крутой склон. Кажется, что нужны какие-то внешние силы, чтобы нарушить равновесие курума, — землетрясение, обвалы, лавины с гор, внезапное замерзание и оттаивание вод, накопившихся в осыпи после дождей.

И действительно, как-то курум показал, что он только уснул, а не умер. Позже я узнал, что весной после стаивания снега и льда между камнями осыпь проснулась. Сон был нарушен обвалом. Камни и скалы, увлекая друг друга, поползли вниз, вешки и реперы были сломаны, от метеопоста не осталось и следа. Затем курум опять уснул, но надолго ли?

На станции работали и зоологи. Животный мир Терскея интересен смешением фауны разного происхождения: среднеазиатского, центральноазиатского, сибирского. Каждый вид животного обитает в своих физико-географических условиях, его жизнь тесно связана с окружающей его средой. Некоторые виды, как, например, кабаны, в зависимости от сезона и состояния кормов кочуют сверху вниз и обратно. Выше всех, в скалах вершинного пояса, обитают дикие козлы, за которыми охотится хищная и сильная кошка — барс ирбис.

Человек активно вмешивается в преобразование животного мира Тянь-Шаня⁸. На Тянь-Шане не было белки, которая обитает в лесах Сибири, где белкование является основным охотничьим промыслом. Будет ли жить белка в еловых лесах Тянь-Шаня или условия обитания окажутся малоподходящими? Этот вопрос и раньше поднимался в литературе, и мнения специалистов расходились. Сильным конкурентом белки в еловых лесах Тянь-Шаня могла оказаться небольшая птица — тяньшанская ореховка, которую киргизы называют чар-карга. Она питается семенами еловой шишки, уничтожает их в громадных количествах, поэтому белка в неурожайные годы могла остаться без еды.

В октябре 1951 года в лесное ущелье Джиланды, недалеко от Пржевальска, было выпущено 200 белок телеуток, привезённых из западносибирских лесов. В Джиланды еловые леса снабжают белок шишками. Здесь много ягод рябины, шиповника, черёмухи, барбариса, чем особенно любят питаться зверьки. Опыт удался. В последующие годы белка

---

⁸ См. Р. П. Зими́на. Краткий очерк фауны млекопитающих и птиц района Тяньшанской физико-географической станции. — «Труды Института географии АН СССР», вып. 56. М., 1953, стр. 206—238.

хорошо прижилась, а с 1957 года её уже стали промышлять. В 1946 году в озеро Иссык-Куль были спущены 30 пар водяного грызуна — ондатры, обладающей прекрасным мехом. В Покровском заливе зверьки хорошо прижились, корма для них оказались подходящими. Здесь много тростниковых зарослей, рогоза, куги, рдеста. Ондатра — житель пресных вод, её стихия — реки и пресные озера с хорошо развитой прибрежной растительностью. А Иссык-Куль имеет солоноватую воду. Здесь грызун придерживается заливов с опреснённой водой, куда впадают горные реки, в устьях которых он хорошо себя чувствует. Ондатра очень плодовита — ежегодно она даёт до четырёх пометов. Одна пара родителей за год приносит до 50 детёнышей. Через два года в Покровском заливе расплодилось уже столько зверьков, что охотничий надзор разрешил их добычу. Охотники за сезон заготавливали до 400 шкурок. В последующие годы заготовки ондатры по своему значению уступали только заготовкам таких широко распространённых на Тянь-Шане грызунов, как сурок, суслик, заяц, из хищников лисица, а ныне ондатра вышла на первое место в пушном хозяйстве республики,

В Тамгу — одну из соседних с Чон-Кызылсу долин Терскея — в 1941 году привезли 13 пар колонок. Эти небольшие хищные и ловкие зверьки хорошо известны сибирским охотникам. Из их волоса делают самые лучшие художественные кисти, а из меха шьют дорогие шубы. Поэтому колонок является ценным промысловым зверьком. Он питается грызунами, в больших количествах уничтожая их, тем самым в какой-то мере помогая человеку бороться с вредителями пастбищ. Колонок прижился в тяньшанских лесах и в последующие годы широко расселился по лесам северного склона Терскея. Он был встречен и в долине Чон-Кызылсу.

В 1945 году завезли на побережье Иссык-Куля и енотовидную собаку, она тоже прижилась и расплодилась.

На Тяньшанской станции ленинградские зоологи занимались изучением биологии и экологии дикого козла.

Азиатский дикий козёл — житель высокогорных скал, он широко распространён в горах Южной Сибири, Алтая, Монголии, Джунгарии, Средней Азии. Местные охотники очень любят трудную охоту на этого зверя. Его жёсткий, осыпающийся мех не представляет ценности, но мясо вкусно и питательно.

Зоологи привезли с собой чудесную охотничью лайку — Верного. У неё были острые стоящие торчком уши, круглый завёрнутый баранкой хвост, подвижные и, казалось, все понимающие глаза.

Как-то на станции слышали шум и крики с другого берега реки, у дома охотника Телемыша. Скоро прибежала притихшая лайка, а за ней пришёл и Телемыш.

— Плохая собака — курицу скушала. Нет, другую птицу — Телемыш долго подбирал нужное ему слово и, наконец, обрадованно сказал: — Курицына жеребца!

Телемыш был опытным охотником и другом науки и станции. Он давно жил в ущелье Чон-Кызылсу, любил его и справедливо считал, что лучшего места в мире не существует. С момента появления географов в Чон-Кызылсу Телемыш помогал им в изучении района. Он знал все тропы, долины, урочища.

Однажды Телемышу работники станции привезли в подарок сильный призматический бинокль. Его мечта исполнилась — он смог заменить свой старенький перламутровый театральный бинокль на новый прекрасный прибор. В первый же ясный день Телемыш поднялся высоко на скалы. Он внимательно изучал знакомые горы в поисках диких козлов. Может быть, на счастье сегодня же можно будет добыть козла и пышно отпраздновать

обнову. Но горы и скалы были пустынные. Где-то невдалеке свистел сурок. Внизу была прекрасно видна родная долина, у шумящей реки паслись коровы. Скоро в круглых стёклах бинокля Телемыш увидел свой дом. Из трубы отвесно поднимался сизый дым. Охотник радостно улыбнулся. Вот какой хороший подарок привезли Телемышу его русские друзья из самой Москвы! Телемыш был счастлив и горд тем, что обладал таким замечательным всевидящим биноклем. Он даже стал немного важничать, когда к нему приезжали его товарищи по охоте. Ведь такого прибора ни у кого больше не было.

Прошли дни знакомства с работами высокогорной станции и особенностями природы Терскея. Из Покровки отправлялась в Алма-Ату грузовая машина по новому для меня маршруту — через перевал Санташ и Каркару.

Я покинул станцию в лесистом ущелье Чон-Кызылсу, где оставались мои друзья, отдавшие годы жизни изучению труднодоступных высокогорных районов Тянь-Шаня. Результаты стационарных исследований всегда точнее, объективнее и полнее, чем маршрутное изучение того или иного района. Ещё в прошлом столетии академик А. Миддендорф писал о том, как трудно натуралисту в пути решать многие вопросы, на которые обращает внимание путешественник по своему маршруту: «Все подобные вопросы, на которые там наталкиваешься на каждом шагу, могут быть разрешены лишь годами старательного исследования. Путешественник же быстро, словно вихрь, мчится по обширным пространствам».

Для познания закономерностей, характерных для природы того или иного района, горного пояса, географической зоны, необходимо сочетание стационарных и экспедиционных методов исследования. Вот почему в наши годы в Советском Союзе большое внимание в физико-географических исследованиях уделяется организации стационаров. Тяньшанская физико-географическая станция — одно из таких научных учреждений.

На пути к Иссык-Кулю я посетил ещё один экспедиционный лагерь с рабочей площадкой станции. В предгорьях Терскея, там, где заканчивается ущелье Чон-Кызылсу и открывается подгорная равнина, среди пестроцветных глинистых прилавков⁹ велись регулярные наблюдения над размывающей деятельностью дождевых потоков. Дорога шла по левому берегу реки Чон-Кызылсу, палатки наблюдателей стояли на противоположном. Лагерь расположился в овраге и не был виден. Я свернул с дороги и направил лошадь в реку, хотя хорошо помнил пословицу, особенно полезную для путешественника: «Не зная броду, не суйся в воду».

Много горных рек мне пришлось переходить верхом на лошади, и мне казалось, что в сентябре, когда воды в реках Средней Азии уже немного, я смогу легко переправиться на противоположный берег. Расчёт мой оправдался, но на одно мгновение мне показалось, что лошадь вот-вот упадёт и сильный поток понесёт нас вниз. На этот раз подо мной был высокий, но узкогрудый слабый молодой конь. Он осторожно шёл по реке, кругом бурлила вода, видно было, как она достаёт до стремени. Я приподнял ноги и, не понукая лошадь, крепко держал поводья.

На дне реки было много крупных камней. Лошадь, видимо, споткнулась об один из них, закачалась... Я представил себе холодную ванну, но всё обошлось благополучно.

---

⁹ Прилавками в Семиречье называют сухие предгорья основных хребтов, сложенные рыхлыми третичными породами.

Скоро я был среди друзей, в их лагере «красных глин». Меня журили за легкомыслие, недостойное опытного путешественника. Если бы такая переправа была совершена не в сентябре, а в летнюю высокую воду, то исход её, по всей вероятности, был бы иным.

В лагере я познакомился с работой на стоковых площадках. В разных местах, на разных уклонах были выбраны типичные участки, ограждённые канавами, сток дождевых вод с которых проходил через контрольный лоток. Дождемеры регистрировали количество выпадающих осадков, контрольные лотки отмечали, сколько воды стекает с площадок, размеры которых известны, и сколько сносится с них глины, песка, камней и другого материала.

Эти исследования показывают процесс сноса поверхностных слоёв грунтов и почв и позволяют судить об образовании оврагов, размыве грунтов оросительными каналами и о количестве выносимого материала за пределы того или иного района в целом. А знание этих процессов необходимо для правильной организации борьбы с эрозией почв.

С базы Тяньнинанской высокогорной станции я отправлялся в новый путь. Всё было готово к отъезду: лошади отобраны, седла подогнаны, вьюки увязаны. Наш маршрут лежит в Кунгей и к реке Чилик, глубокая долина которой разделяет хребты Северного Тянь-Шаня — Кунгей и Заилийский.

Передо мной была поставлена задача проследить особенности рельефа Кунгея и распределения растительных поясов на его северном и южном склонах. Уже заранее можно было предположить, что распределение вертикальных поясов на двух противоположных склонах будет неодинаковым. Я предполагал пересечь Кунгей дважды: на востоке у селения Тюп, затем пройти вверх по долине Чилика и вновь перевалить хребет где-то в его срединной части. Предварительно я наметил перевал Сютту-Булак.

В один из сентябрьских солнечных дней из Покровки небольшой караван тронулся в путь. Сам я задержался на побережье озера и, выехав на попутной автомашине, догнал отряд ещё в селе Тюп.

У сельского магазина стояла бричка. Старик возница затягивал супонь на хомуте у невысокой лошадки. Оказалось, что старик, закончив свои дела в районном центре, возвращается в селение Курменты, к себе в колхоз. Вечерело. Я решил поехать вперёд, чтобы выбрать хорошее место для ночлега нашего каравана, и попросил захватить меня с собой.

Мы ехали по приозёрной равнине. Слева блестела необозримая поверхность Иссык-Куля. Справа высился крутой стеной Кунгей, сухой, изрезанный тесными ущельями и оврагами. На колхозных полях машины убрали хлеб. Неторопливо трусила кряжистая вороная кобылёнка, неторопливо шла и наша беседа с хозяином брички. Узнав, что мне до Сары-Булака, куда к вечеру должен был подойти караван, мой собеседник оживился.

— Богатый колхоз в Сары-Булаке, — сказал он, — лучший в нашем районе, передовой, называется «Талапкер».

Такое слово я услышал впервые. Я недостаточно хорошо знал киргизский язык, чтобы расшифровать это название и попросил перевести его. Оказалось, что «Талапкер» значит «желающий», «стремящийся», «добивающийся»...

И действительно, многого добился этот колхоз. Сдав поставки государству зерном, молоком, мясом, шерстью и другими продуктами, колхоз «Талапкер» выдал колхозникам продуктами и деньгами больше, чем любой другой колхоз района.

Скоро показался и Сары-Булак — сравнительно небольшое село, в котором среди киргизских домиков, новых зданий клуба, правления колхоза и школы было несколько

жилищ русских и болгар — тоже членов коллективного хозяйства «Талапкер».

К ночи подошёл караван, и мы разместились на ночлег поближе к горам, выше села, где сено уже было скошено и можно было спокойно пасти лошадей. Поставили палатку. Не прошло и четверти часа, как на огонёк прискакал всадник. После приветствий и расспросов колхозный сторож, пожелав нам доброй ночи, попросил спутать лошадей и следить за тем, чтобы они не подходили к заготовленным на зиму скирдам сена. Своё обещание мы выполнили: по очереди вставали ночью и подгоняли коней поближе к лагерю.

Рано утром ушли в горы. Медленно поднимались мы к перевалу через водораздельный гребень Кунгея. В ущелье Тура-Булак вокруг юрты отдыхала отара коз и овец.

— Кому принадлежит стадо? — спросил я у пастуха.

— Колхозу «Талапкер», — приветливо отвечал хозяин отары.

— А много у вас скота?

— Сколько видел сегодня — все талапкерские. Поедешь за перевал, вот там увидишь наши отары. Колхоз богатый. Всего много: и хлеба, и овощей, и фруктов, а мёд какой! И машин много, и автомобиль есть грузовой. Для наших детей школу построили в Сары-Булаке: пусть учатся у себя в деревне, зачем ходить им в соседнее село?

Киргиз свободно говорил по-русски. Я заинтересовался, откуда у него такое хорошее знание языка. Объяснилось просто — пастух исходил дорогами войны тысячи километров советской земли, воевал в Польше, в Монголии, на Дальнем Востоке.

— Как в Корее? Скоро ли кончится там война и скоро ли народ сможет мирно жить и быть хозяином у себя в стране? — спросил он.

Колхозник жил одной жизнью с Родиной. С уважением пожимая руку пастуху из далёкого ущелья в горах Кунгея, я вспомнил хорошую пословицу: «Человек, потерявший родину, точно нитка, вытщенная из ткани, — куда она годна?»

Когда я впервые в 1932 году попал в Киргизию, киргизские слова мне приходилось записывать и запоминать. Никто из жителей джайляу не знал русского языка. А вот прошло всего 20 лет, и почти все киргизы говорят по-русски, многие в оригиналах читают Толстого и Пушкина, Тургенева и Горького. Школа, служба в Советской Армии, работа в колхозах, где киргизы и русские сотрудничают вместе, сделали своё дело: для киргизов русский язык стал вторым родным языком.

Помню, как однажды в горах Терскея я наткнулся на домик, стоявший у слияния двух горных потоков. Меня встретил сухощавый пожилой человек и жестом пригласил войти в дом.

Я поздоровался. Слова приветствия я помнил хорошо, а затем стал мучительно подыскивать нужные, но, увы, забытые слова. Я стал говорить на каком-то невообразимо путаном русско-монгольско-киргизском языке. Хозяин внимательно слушал меня.

— Ты говори на своём языке, — видно пожалев меня, сказал он по-русски, — я все пойму, так будет легче.

Обрадованный и смущённый, я немедленно последовал его мудрому совету.

Когда караван прошёл через перевал Сары-Булак, перед нами открылись грандиозные древние ледниковые долины, цирки и морены. Сочетание громадных россыпей гранитов, маленьких озёр, сглаженного рельефа высокогорий, наличие почти отвесных склонов долин говорили о том, что некогда здесь было царство льдов. Теперь же в этом безлюдном месте хребта нет даже маленького ледничка.

Тропа пересекла несколько уступов — моренных поперечных гряд. Первые заросли

можжевельника встретились на высоте 3000 метров, ниже, метров через 150—200, появилась тяньшанская ель.

При пересечениях Кунгея хорошо заметна асимметрия хребта. Его южные короткие и крутые склоны упираются в приозёрные равнины Иссык-Куля, лежащие на высоте 1700—1900 метров; они маловодны и бедны ледниками. Северные — сравнительно пологие и длинные — уходят к долине Чилика. Они обильно орошаются реками, создающими полноводный Чилик. Здесь много ледников, особенно в центральной части хребта, где высота горы Чоктал достигает 4771 метра.

Километрах в десяти от перевала ландшафт высокогорья с ледниковыми формами рельефа иной — густые можжевёловые заросли, осветлённые леса тяньпанской ели, приветливые высокотравные поляны. На противоположном склоне долины паслись стада овец и коз и большой косяк лошадей. Стада принадлежали все тому же колхозу «Талапкер».

Мы разбили лагерь на открытой террасе реки. Не успели развьючить коней, как появились киргизы и пригласили нас пить кумыс.

Весь следующий день я бродил по окрестностям и изучал формы ледникового рельефа, который ниже сменялся водно-эрозионным. Я заметил интересные закономерности в распределении лесов в горах восточного окончания Кунгейского хребта. В самом верхнем поясе леса появляются только на склонах, обращённых на восток и юго-восток, а противоположные покрыты альпийскими лугами и каменными россыпями. С абсолютной высоты 2500—2600 метров условия для роста ели оказываются наиболее подходящими, и здесь леса спускаются в долины и уже сплошь покрывают их борта. С высоты 2250 метров еловые леса явно предпочитают склоны долин, обращённые на запад и север, здесь стройная тяньшанская ель особенно величественна. Распределение ели на склонах гор объясняется, по-моему, так: высоко в горах, где очень холодно, деревья могут жить на хорошо прогреваемых юго-восточных и восточных склонах, укрытых от холодных ветров. В среднем поясе, ниже 2500 метров над уровнем моря, жизненные условия для ели оказываются наиболее подходящими: здесь выпадает сравнительно много осадков, достаточно тепла и нет таких страшных зимних морозов, какие бывают в высокогорье. Но в нижнем лесном поясе уже мало дождей, лето жаркое, почвы быстро просыхают, поэтому участки лесов видны на склонах, обращённых на запад и север. Отсюда приходят влажные ветры, приносящие осадки, и здесь почва долго удерживает влагу.

В долине Курметы леса спускаются до 1800 метров. В верхнем поясе много древовидных можжевельников, в зарослях которых может скрыться всадник. Затем можжевельник исчезает, и полностью господствует ель.

Горные речки, соединяясь вместе, образуют реку Кольсай, резко падающую на север, к зелёному озеру, созданному запрудой, сложенной поперечной морёной. Отсюда можно заключить, что древний ледник доходил до этих мест и принёс массу рыхлого и каменного материала, отложенного в виде плотины. Тесная и узкая долина имеет совершенно отвесные склоны. По обеим сторонам озера нет места даже для тропинок, они обходят озеро, поднимаясь в горы. В ущелье Кольсай несколько озёр, все они имеют вытянутую форму по длине долины, однако нижних озёр я не видел, и поэтому не могу судить, как они образовались.

Вечером в юрте пастухов я с удовольствием пил из фарфоровой пиалы свежий густой кумыс. Обращаясь к хозяйке, сказал:

— Рахмат, чон рахмат (спасибо, большое спасибо). В ответ слышал русское:

— На здоровье!

Уже стемнело... Мы долго сидели у очага и говорили о цели нашей поездки в Кунгей, о путях-дорогах в этих местах и, конечно, о колхозе «Талапкер», который заинтересовал всю нашу группу. В путевом дневнике я записал: «Колхоз из года в год приумножает свои богатства, имеет комплексное хозяйство, в котором значительное место отведено животноводству. Стада насчитывают более пяти тысяч голов мелкого рогатого скота, около 700 лошадей, более 300 голов крупного рогатого скота (дойных коров более 100), много свиней. В индивидуальных хозяйствах — одна-две коровы, лошадь, несколько овец, огород».

Плохо у колхоза лишь с пастбищами. Северное побережье Иссык-Куля — зерновой район, здесь нет ни больших сенокосов, ни тем более обширных пастбищ. Примыкающий к владениям колхоза южный склон Кунгея крут и сравнительно короток, а северный находится уже на территории Казахстана. Летом по договорённости с казахскими колхозниками талапкерцы пасут скот на открытых полянах верхней части северного склона. Но зимой и здесь нет пастбищ: все покрывается снегом, сквозь который добыть корм не могут даже лошади.

Когда в Кунгее начинаются снегопады, косяки лошадей угоняют в далёкие районы Центрального Тянь-Шаня, в долину Сарыджаса, близ пирамидальной горы Хан-Тенгри, где нет глубоких снегов и хорошие корма не стравлены за лето. Недаром киргизы называют долину Сарыджас — «жёлтая весна». Хорошая прошлогодняя трава, пожелтевшая от времени, сохраняется здесь до лета.

Продолжаем наш путь по горам и долам Тянь-Шаня. Маленький караван спускается к тёплой и низкой долине Чилика и снова встречает стадо крупного рогатого скота и большую отару овец. Белыми, рыжими и чёрными пятнами раскинуты овцы по тёмно-жёлтому склону горы. За стадами наблюдает старый киргиз, сидящий верхом на быке.

Я поздоровался:

— Селям, аксакал.

— Аман, аман, — ответил пастух и повернул в мою сторону медлительного, тяжёлого быка.

— Как пройти на Чилик?

— Когда сверху увидишь целиком все озеро на дне долины, тогда тропа резко повернёт на запад,

— А чьи овцы? — спросил я.

— Колхоза «Талапкер».

Я невольно улыбнулся. Точь-в-точь как в сказке «Кот в сапогах», в которой путешествующий король на вопросы, кому принадлежат замок, поля, леса, стада, получал неизменный ответ: «Маркизу де Карабасу».

— Хош! — попрощались мы с друг с другом. — Хош! В добрый путь! Счастливо оставаться!

Это была наша последняя встреча с чабанами иссык-кульского колхоза «Талапкер».

Второй день льёт дождь, долгий, томительный, и кажется, нет ему конца. Над моим спальным мешком течёт, и ночью я кочую по палатке, выбирая сухие места. Старая, худая палатка уже не выдерживает длительного ненастья. В такую погоду пути нет. На косогорах навьюченные лошади скользят и могут свалиться в реку.

Пенистый горный поток не мутнеет, как обычно, не заливают низменные берега. Ближайшие скалистые вершины, громоздящиеся над долиной, покрыты снегом.

Похолодало. Снега и льды в верховьях не тают, вода чистая, уровень её не меняется.

На лугу пасутся наши лошади, с гривы и хвоста падают прозрачные капли. Лошади стоят на ветру, и ветер прижимает тяжёлый сырой хвост к ногам.

Среди альпийской зелени Тяньшанских гор, у шумной реки, читаю «Мещерскую сторону». Автор много бродил по белому свету, от его внимательного и доброжелательного взора не ускользают детали, украшающие его рассказы. Константин Паустовский был неутомимым путешественником, он любил Родину, её природу, и его описания всегда правдивы. В «Карабугазе», «Колхиде» самые обычные описания природы прозрачны, овеяны поэзией, и в то же время в них тонко подчёркнуто неповторимое своеобразие пейзаж.

Скучной природы не бывает, каждый из ландшафтов имеет свои особенности, нужно только уметь их увидеть и раскрыть.

Мещерская сторона совсем не похожа на тяньшанский край: там — плоская низменность, северные леса, медленные реки, торфяные болота, мрачные озера; здесь — зелёные горы, глубокие изумрудные озера, прозрачные быстрые реки, иссиня-белые ледники и снега в горах, и кажется, что величествен и разнообразен Тянь-Шань и невзрачна и однообразна Мещера, но понятны и милы моему сердцу слова писателя: «Неужели мы должны любить свою землю только за то, что она богата, что она даёт обильные урожаи и природные её силы можно использовать для нашего благосостояния!

Не только за это мы любим родные места. Мы любим их ещё за то, что, даже небогатые, они для нас прекрасны.

Я люблю Мещерский край за то, что он прекрасен, хотя вся прелесть его раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно.

На первый взгляд — это тихая и немудрёная земля под неярким небом. Но чем больше узнаешь её, тем все больше, почти до боли в сердце, начинаешь любить эту обыкновенную землю. И если придётся защищать свою страну, то где-то в глубине сердца я буду знать, что я защищаю и этот клочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачно на вид оно ни было, — этот лесной задумчивый край, любовь к которому не забудется, как никогда не забывается первая любовь»¹⁰.

Любовь к Родине, её лесам или горным громадам — благородное чувство, не отвлечённое, а ясно ощущаемое. Оно воплощается в обычные знакомые пейзажи и, быть может, в эти величественные пейзажи тяньшанских лесов, в гладь бездонного Иссык-Куля или в безбрежные каракумские пески.

Скоро ветер разорвёт лохматое покрывало облаков и понесёт их в далёкие южные страны, где растают они подобно дыму в вечерних сумерках. Засветит солнце, и наш маленький караван не спеша снова двинется в путь-дорогу.

Позади остались поросшие еловым лесом скалистые щели, по которым бурлили горные потоки. Мы вышли к широкой долине Чилика, к большой реке. На низких галечных террасах пышно раскинулась урема. Тополь, рябина, берёза украшали пойму Чилика. По склонам росли кустарники, образуя порой непроходимые заросли.

Осень уже вступала в свои права. В этих южных широтах осенние леса так же хороши, как и на Русском Севере. Багряные цвета уже преобразили леса Северного Тянь-Шаня. Кустарники были усыпаны ягодами.

---

¹⁰ Константин Паустовский. Повести и рассказы. Мещерская сторона. М., 1953, стр. 152.

Чилик течёт параллельно хребтам Кунгей и Заилийскому. Он берёт начало на высоком горноледниковом Чилико-Кеминском узле и направляется на восток, принимая множество притоков, спускающихся главным образом с северного склона Кунгея. Постепенно Чилик становится большой рекой, по которой сплавляют лес. Недаром местные жители называли реку Тау-Чиликом — «горной бочкой».

Караван медленно движется вверх по долине. На террасах колхозники-казахи поднимают целину, пашут озимь, косят яровой ячмень и собирают его в небольшие копны. Весёлые молодые казашки забросали нас вопросами: куда мы едем, кто мы такие, что везём во вьюках? Пригласили нас в аил, который должен встретиться на нашем пути через несколько километров.

Действительно, недалеко, у устья Кутурги, стояли две юрты. На просторной поляне паслись толстые ленивые кобылицы. Нас угостили кумысом. Хозяйка юрты наливала белый напиток из ведра в пиалы столько раз, сколько желали гости. Это были последние юрты в долине Чилика. За аилом долина сузилась, река текла в ущелье.

По правому берегу Чилика, не доходя Кутурги, я задержался, чтобы описать грандиозный обвал. Оторвавшаяся глыба оставила на склоне след — хорошо выраженный жёлоб-лоток, на котором не было ни растительности, ни скальных выступов. На дне долины образовались нагромождения холмиков, скал, котлов, грив, ещё не покрытых сплошным почвенно-растительным покровом. Кругом — неокатанные, неотёсанные, угловатые камни тех же пород, что слагали правый борт долины. Сила удара была так велика, что часть материала оказалась и по левую сторону реки. Река уже успела прорыть себе русло и в этих новых отложениях обтачивала крупные скалы, перегородившие ей путь.

На поверхности обвала кое-где виднелись молодые деревца ели и берёзы, шиповник и барбарис. Все это говорило о молодости обвала. И действительно, ему не было и 50 лет, он родился в северных цепях Тянь-Шаня во время сильного землетрясения 1911 года.

Наша тропа то спускалась к самой воде, то поднималась вверх по лесистому склону.

У устья Кшиурукты — Малой Абрикосовой речки — мы разбили лагерь. Тут были видны следы аила. Одинокó высилась коновязь рядом с круглым пятном на земле, где стояла когда-то юрта.

Утром осматривали дороги. Вверх по Кшиурукты смогли пройти только километра три. Старая тропа заросла травами и кустарниками, поперёк дороги лежали мощные стволы упавших елей. Притоки реки размыли тропу, и лошади наотрез отказывались входить в грохочущую воду. Свежих следов лошадей мы не видели: ясно, что вверх по ущелью пройти невозможно.

«Ездил вверх по Урукты, — записал я в дневнике. — Дороги нет. Старая тропа исчезает в лесных завалах. Узкое эрозионное ущелье; каскадами падающий поток, мчащийся в глыбах скал и крупных валунах; дремучий лес, покрывающий склон ущелья, обращённый на запад, создают величественный ландшафт.

Хорошо видно значение экспозиции горных склонов как физико-географического фактора. С боковой горной гряды можно заметить, как склон долины Чилика, обращённый на север, покрыт лесом, противоположный склон — в скалах, осыпях со скудной растительностью.

На обратном пути мы обнаружили тропу, уходящую зигзагами в горы. Километров через пять тропа стала торной, видимо, по ней можно перевалить хребет, правда, более восточным перевалом, чем это было предусмотрено планом маршрута.

Мы сделали ещё одну попытку проехать по Чилику вверх, хотя нас предупреждали,

что дорога выше устья Кшиурукты идёт по крутой осыпи, что осыпь подмыта Чиликом и что один неверный шаг лошади чреват тяжёлыми последствиями».

За вечерним чаем мы обсуждали наше положение, которое, правду говоря, было незавидным. И вдруг как с неба к нам свалился старый казах, чабан из колхоза «Новая жизнь», возвращавшийся в Тюлкесай, где паслось колхозное стадо овец. Пастух заверил, что он благополучно проведёт по маршруту, который нас интересовал. Отправиться решили завтра же рано утром.

Моросил дождь, становилось всё холоднее и холоднее. Вечером крупными хлопьями пошёл снег. Туман ограничивал видимость до 50 метров.

Шли на запад, поднимаясь по правым притокам Чилика, переваливая водоразделы между ними. Вскоре открылись, альпийские пастбища с пологими формами рельефа. На высотах 2700—3000 метров располагались широкие, полого падающие долины с древнеледниковыми отложениями. Ниже реки, текущие в этих спокойных долинах, каскадами падали по ступеням вниз и, вгрызаясь в горы, создавали непроходимые эрозионные ущелья. Дальше на запад, у притоков Чилика, они становились короче; а ледниковые долины, в верховьях которых и ныне сохранились горные ледники, длиннее.

Снег продолжал падать. В 8 часов утра на дне долины толщина снежного покрова достигла 22—32 сантиметров. К 10 часам из-за низких туч выглянуло солнце; Миллионы искр заблестели на нетронутой белизне снега. Мы укрылись от холода и сырости в юрте нашего проводника. На копытах уныло бродивших лошадей налипали громадные подушки мокрого снега, опадавшие затем от собственной тяжести.

За день под лучами солнца снег постепенно оседал, обнажились южные и юго-восточные склоны гор, а к ночи при ясном звёздном небе грянул мороз.

Мы стали собираться в путь, но хозяин уговорил нас повременить: на перевале много снега, тропа занесена, на леднике Сютту-Булак много трещин. Перспектива действительно не из блестящих, тем более что во второй половине сентября такая холодная и снежная погода может удержаться надолго, впереди ждут дела, продовольствие иссякает, а лошади полуголодны.

И мы решили идти с надеждой ещё до перевала встретить караван быков, который ждали на пастбищах со дня на день. Колхоз послал продовольствие для своих пастухов и их семей, а караван этот, как и мы, видимо, переживал непогоду.

Мы завьючили и оседлали похudevших лошадей и тронулись в путь, с трудом отыскивая тропу, занесённую снегом. Солнце уже склонилось к западу, когда мы почти подошли к конечной морене ледника. Начали, было, подумывать о ночлеге под самым ледником, чтобы утром со свежими силами подняться по леднику на перевал, как из-за скалы показался бык, нагруженный мешками муки, затем стадо и всадники на лошадях — долгожданный колхозный караван шёл на джайляу.

Мы смело вступили на протоптанную караваном дорожку, поднимаясь на морены, падающие ступенями в долину. В стенках морен видны валуны, большие камни, гравий. Все это хаотически перемешалось. Вступив на ледник, направились на перевал. Кругом простиралось большое поле льдов, покрытых свежевывавшим снегом, высота его доходила до 60 сантиметров. Горы, амфитеатром окружающие ледник, были также заснежены. Со скалистых вершин свисали громадные наслёпки стекловидного льда толщиной в несколько десятков метров.

Уходящее солнце посылало косые холодные лучи, тени казались глубокими и резкими. Сбоку от нас на снегу двигался караван с несоразмерно длинными лошадьми и

всадниками.

Прошли по леднику километра четыре и вскарабкались на скалистый перевал. Узкий гребень Кунгея имеет здесь иззубренные формы. Острые иглоподобные пики, вздыбленные отдельные гранитов выделяются среди вечных льдов и снегов.

Ледник Сютту-Булак продолжается и по южную сторону хребта, спускаясь с него небольшим глетчером, менее километра длиной. Ледникового моренного материала и здесь очень много, он образует гряды, холмы, падающие высокими ступенями. Широкая древнеледниковая долина, сложенная сверху валунами, камнями, моренами, здесь также сменяется эрозионным ущельем. Вместо голых холодных пустынь появились кустарники, а дальше и леса.

Когда сгустились сумерки, наш караван подошёл к маленькому озерку, образовавшемуся на дне долины. Усталые, мы кое-как попили чаю и улеглись спать. Мне снились ледники, снега, мрачные каменистые пустыни высокогорья, исчезающие тропы. И почему-то эти унылые ландшафты мне представлялись тёплыми и уютными — тепло было в спальном мешке, покрытом овчинной шубой.

Озерко Сютту-Булак, у которого мы заночевали, оказалось завального происхождения. Первое, что бросилось в глаза, — это торчащие из воды пни погибшей ели. На естественной запруде выросли тонкоствольные деревца. Все это говорило

О молодости озера, которое могло возникнуть на глазах у нашего поколения. На левом склоне долины видно место, откуда покатались горные породы, перегородившие поперёк долину широкими, но невысокими грядами и холмами. Они хорошо просматривались с правого склона долины. Между ними извилистый путь проложила речка, вытекающая из озера. Вода течёт здесь порогами и водопадами. Пройдёт ещё полвека, и от озера останется только небольшая котловинка: оно будет спущено речкой, вытекающей из него и все глубже пропиливающей русло в завальной плотине. Но следы крупного завала сохранятся и легко будут читаться в рельефе долины.

Перед нами вновь были следы землетрясения 1911 года.

В ночь с 4 на 5 января 1911 года (по новому стилю) район Кунгея был охвачен сильным землетрясением с эпицентром в верховьях Чонкемина, то есть в непосредственной близости от верховий Чилика. Об этом землетрясении можно прочесть в 19-м томе «Россия. Полное географическое описание нашего отечества»: «Общее число жертв точно не выяснено, но должно быть не менее нескольких сот человек; в одной местности, в долине реки Кебина, более 200 киргизов погибло под обвалом. Погибло также множество скота. Во многих местностях почва осела и дала огромные трещины; произошли сдвиги, оползни и провалы, а почтовая дорога на северном берегу Иссык-Куля и в Боамском ущелье была местами совершенно разрушена. Толчки, удары и колебания почвы продолжались в течение нескольких месяцев, сначала почти ежедневно, а затем с более значительными промежутками времени, поддерживая панику среди населения и вызывая случаи психического расстройства»¹¹.

Примеры с обвалами в долинах Чилика и южного Сютту-Булака наглядно показывают, что геологические процессы проходят весьма энергично и теперь. Эти примеры убеждают нас и в том, что для возникновения завалов, образования и исчезновения озёр совсем не нужны тысячелетия, как думали раньше.

---

¹¹ «Россия», т. 19. «Туркестанский край». СПб., 1913, стр. 164.

Ниже озера долина постепенно расширялась, снег был виден в лесу в затенённых местах и только на некоторых северных склонах он сверкал своей белизной, на которой контрастно выделялся чёрный еловый лес. Недаром киргизы называют Тяньшанскую ель карагай — «чёрный лес».

Мы вышли из гор, и вновь перед нами открылась необозримая поверхность Иссык-Куля. На этот раз его свинцовые воды казались холодными, неприветливыми. Снеговая линия на противоположном хребте Терскея опустилась, и теперь белое покрывало окутало его почти до предгорий.

Шла зима. В горах она наступает быстро, короткое нежаркое лето — долгожданный и желанный гость.

Последний раз я видел Иссык-Куль в самом конце 1950 года. Пассажирский самолёт летел по маршруту Пржевальск — Тамга — Рыбачье — Фрунзе. И сразу же вслед за взлётом внизу засверкала на солнце синева глубокого озера. Самолёт летел над водой, хорошо обозревались снежные ограды, окаймляющие озеро: на юге — Терскей, на севере — Кунгей. Были видны мягкие пестроцветные отложения предгорьев Терскея, изъеденные густой причудливой сеткой морщин, глубокие долины рек, впадающих в узкие, извилистые заливы. И наконец, под самолётом протянулась пустынная равнина западной оконечности озера и оживлённый посёлок Рыбачье.

Самолёт поднялся и ушёл в хаос гор, чтобы через полчаса выйти на просторы плодородной Чуйской долины.

После моего путешествия в горы Прииссыккулья прошло много лет, но и теперь по-прежнему в чёрных лесах Тяньшанской ели на берегу Большой Красной реки виден крепкий деревянный дом. В его комнатах, как и раньше, трудятся географы, гляциологи, геоморфологи, ботаники, зоологи, метеорологи. Они выезжают на ледники, выходят на крутые осыпи, наблюдают за жизнью природы, открывающей свои тайны только внимательным, настойчивым и терпеливым исследователям.